

Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития*

М. И. Проскуракова

Берлинская Высшая школа экономики и права,
Германия, 10315, Берлин, Альт-Фридрихсфельде, 60

Для цитирования: Проскуракова, Мария И. 2018. «Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 433–447. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.312>

Развитие электронного правосудия в Германии происходит под влиянием целого ряда особенностей национальной правовой системы, к числу которых относятся членство в Европейском союзе, федеративное государственное устройство, наличие судов шести видов юрисдикции. Само электронное правосудие понимается в немецкой доктрине широко и охватывает различное использование информационно-коммуникационных технологий в судебной деятельности. Среди его элементов выделяют, в частности, ведение судами электронных реестров, использование видеоконференцсвязи, размещение в открытом доступе судебных решений и др. К числу главных элементов электронного правосудия, находящихся в центре внимания статьи, относятся электронный правовой оборот (*elektronischer Rechtsverkehr*) и электронные дела (*elektronische Akte*). На основании анализа доктринальных источников и законодательных актов делается вывод о том, что электронный правовой оборот представляет собой не что иное, как электронную коммуникацию с судами. На примере законодательных норм, регулирующих электронную коммуникацию с судами и ведение электронных дел, раскрывается поэтапный характер становления электронного правосудия в Германии. Сначала (к 1 января 2018 г.) немецкие суды должны быть в состоянии принимать от заинтересованных лиц документы, отправленные по электронным каналам связи. Затем (с 1 января 2026 г.) суды должны перейти на ведение дел в электронном виде. Соответственно, конечной целью внедрения новых технологий в судопроизводство становится полный перевод судебного процесса в электронную среду. Отдельное внимание в статье обращается на то, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в судебную деятельность как обещает серьезные преимущества по сравнению с привычными формами осуществления судебной деятельности, так и ставит перед учеными и практиками ряд проблемных вопросов, нуждающихся в решении.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационные технологии, немецкое законодательство, электронные дела, электронная коммуникация с судами.

1. Введение. Точкой отсчета нормативного оформления электронного правосудия в Германии принято считать 2001 г. (Bernhardt 2015, 2775; Schwoerer 2005, 36, 43), когда были изданы два закона, урегулировавших отдельные аспекты электронной коммуникации с судами. Первый из них, Закон о реформе процесса

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00465 «Доступ к судебной защите субъективных публичных прав: пределы, социальная поддержка и перспективы развития в условиях электронного правосудия».

в части вручения документов при осуществлении судопроизводства¹, предусмотрел возможность вручения судами документов электронным способом; второй, Закон об адаптации к современному правовому деловому обороту частноправовых требований о соблюдении формы и иных предписаний² (далее — Закон 2001 г.), ввел в законодательство понятие электронного документа и определил условия, при которых он может использоваться в качестве равнозначного документу в привычной письменной форме (анализ этих законов, в том числе с изложением критических замечаний, см.: Müller 2015, 8–13; Schwoerer 2005, 36–49). За более чем 15 лет, прошедших со времени принятия названных законов, электронное правосудие в Германии существенно продвинулось в своем развитии. Вместе с тем говорить о том, что процесс его формирования завершился, пока преждевременно. К настоящему времени удалось создать законодательную базу электронного правосудия. Однако практическая реализация многих нормативных предписаний остается делом будущего. Так, в июле 2017 г. был принят закон, устанавливающий обязанность вести судебные дела, в том числе уголовные, в электронном виде, — Закон о введении электронных дел в сфере юстиции и о дальнейшем содействии электронному правовому обороту³ (далее — Закон 2017 г.). Данная обязанность должна быть исполнена к 1 января 2026 г. До того времени Федерация и земли могут посредством принятия своих нормативных правовых актов предусмотреть ведение электронных дел в определенных судах или в отношении определенных категорий дел.

Электронное правосудие характеризуется не только динамичностью развития, оно также представляет собой явление, охватывающее большое число разнородных элементов и отличающееся многогранностью. Именно с ответа на вопросы о том, что понимается в немецкой доктрине под электронным правосудием и какие черты немецкой правовой системы оказывают существенное влияние на его развитие, и начинается основная часть настоящей статьи. В качестве центральных элементов электронного правосудия в немецкой доктрине, а также в законодательстве рассматриваются электронная коммуникация с судами и электронные судебные дела. В заключение делается вывод о темпах развития электронного правосудия в Германии и о том, какие обстоятельства учитываются в обязательном порядке при внедрении новых информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в деятельность судов.

2. Основное исследование. Электронное правосудие в немецкой правовой системе: понятие и особенности развития. Появление электронного правосудия, равно как и электронного правительства, стало возможно благодаря внедрению государством в осуществление своей властной деятельности ИКТ. При этом использование соответствующих технологий в судебной деятельности и публичном управлении не является самоцелью, а призвано повысить их эффективность и прозрачность, доступность для населения (подробнее об ожидаемых

¹ Gesetz zur Reform des Verfahrens bei Zustellungen im gerichtlichen Verfahren (Zustellungsreformgesetz — ZustRG) v. 25.06.2001 // Bundesgesetzblatt (далее — BGBl). 2001. I. Nr. 29. S. 1206.

² Gesetz zur Anpassung der Formvorschriften des Privatrechts und anderer Vorschriften an den modernen Rechtsgeschäftsverkehr v. 13.07.2001 // BGBl. 2001. I. Nr. 35. S. 1542.

³ Gesetz zur Einführung der elektronischen Akte in der Justiz und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs v. 5.07.2017 // BGBl. 2017. I. Nr. 45. S. 2208.

преимуществах электронного правосудия и электронного правительства см.: Britz 2007, 994).

Что же представляет собой электронное правосудие и как оно соотносится с электронным правительством? Ответ зависит от того, понимается ли электронное правительство (англ. *e-Government*) как использование ИКТ во всем публичном секторе, т. е. в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти, или же только в сфере управления. В первом случае электронное правосудие будет рассматриваться как составная часть электронного правительства (государства), во втором — как самостоятельное явление наряду с электронным правительством (подробнее см.: Petri, Dorfner 2011, 123). Второй подход представляется более предпочтительным, поскольку он подчеркивает самостоятельность судебной власти, но вместе с тем не ставит под сомнение необходимость обеспечения согласованного развития обоих явлений⁴.

Само электронное правосудие понимается в немецкой доктрине широко и рассматривается в качестве собирательного явления, охватывающего различное использование ИКТ в деятельности судов (Berlit 2007, Abs. 1; Klink 2010, 9; Petri, Dorfner 2011, 123). Соответственно, в состав электронного правосудия входят электронная коммуникация между судом и участниками процесса, электронные судебные дела, различные электронные реестры, ведение которых отнесено к компетенции судов, размещение в сети Интернет информации о судах, размещение в банках данных судебных решений, использование видеоконференцсвязи и ряд других элементов (подробнее см.: Berlit 2007, Abs. 2–14, 32; Schwoerer 2005, 25–26).

Развитие электронного правосудия в Германии происходит под влиянием целого ряда обстоятельств, связанных с особенностями немецкой правовой системы.

Во-первых, Германия является членом Европейского союза (далее — ЕС), и немецкое электронное правосудие следует рассматривать в контексте общеевропейских мер по развитию электронного правосудия. Данному вопросу на уровне ЕС уделяется значительное внимание. Так, Советом ЕС приняты многолетние планы действий в сфере европейского электронного правосудия. Развитие последнего, согласно актуальному в настоящее время плану, рассчитанному на период с 2014 по 2018 гг.⁵, осуществляется по следующим трем направлениям: доступ к информации в сфере юстиции, доступ к судам и внесудебным процедурам при трансграничных правоотношениях, коммуникация между судебными органами государств-членов. В числе мероприятий плана названы, в частности, дальнейшее содержательное наполнение европейского портала электронного правосудия⁶, создание в государствах-членах электронных реестров сведений о банкротстве и соединение их друг с другом с возможностью поиска одновременно во всех реестрах, введение евро-

⁴ В качестве примера такого развития В. Бернхардт (Bernhardt 2015, 2779) приводит практически одновременное принятие имеющих «во многом похожее содержание» Закона о содействии электронному управлению (Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung (E-Government-Gesetz — EgovG) v. 25.07.2013 // BGBl. 2013. I. Nr. 43. S. 2749) и Закона о содействии электронному правовому обороту с судами (далее — Закон 2013 г.) (Gesetz zur Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs mit den Gerichten v. 10.10.2013 // BGBl. 2013. I. Nr. 62. S. 3786).

⁵ Mehrjähriger Aktionsplan für die europäische E-Justiz (2014–2018) v. 6.06.2014 2014/C 182/02 // Official Journal of the European Union. C 182. Vol. 57. 14.6.2014. P.2. Accessed December 30, 2017. [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52014XG0614\(01\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52014XG0614(01)&from=EN).

⁶ Accessed December 30, 2017. URL: <https://e-justice.europa.eu/home.do?action=home&plang=en>.

пейского идентификатора судебных решений (англ. European Case-Law Identifier), расширение использования видеоконференцсвязи, создание инфраструктуры для электронной доставки документов между государствами-членами и многие другие.

Во-вторых, в основании построения судебной системы Германии лежит принцип федерализма. Согласно ст. 92 Основного закона ФРГ⁷ (далее — Основной закон) судебная власть осуществляется судами Федерации и земель. При этом основная нагрузка осуществления правосудия лежит на землях, поскольку федеральными судами являются только Федеральный конституционный суд и высшие суды, прямо поименованные в абз. 1 ст. 95 Основного закона (Федеральный верховный суд, Федеральный административный суд, Федеральный финансовый суд, Федеральный суд по трудовым спорам, Федеральный суд по социальным вопросам). Все остальные суды, как следует из ст. 92 Основного закона, являются судами земель, организационное обеспечение деятельности которых в силу ст. 30 Основного закона относится к компетенции земель. При этом осуществлением данных управленческих задач в судебной сфере по немецкой традиции занимается исполнительная власть в лице министра, ответственного перед парламентом (подробнее об этом см.: Notz 2017, 609). С тем чтобы облегчить совместную работу Федерации и земель в сфере информационной техники и обеспечить тем самым согласованное развитие электронного государства в целом и электронного правосудия в частности, в ходе второй федеративной реформы 2009 г. в Основной закон была включена ст. 91с. Она регулирует особенности сотрудничества земель и Федерации при планировании, создании и эксплуатации информационно-технических систем, которые охватывают технические средства для обработки и передачи информации (Epping and Hillgruber 2017, Art. 91c, Rn. 9) и необходимы для выполнения возложенных на соответствующие субъекты задач. Однако в доктрине нет единого мнения о том, действительно ли была потребность во включении в Основной закон такой специальной нормы или же для осуществления сотрудничества в указанной сфере достаточно было правил, устанавливаемых законами и государственными договорами (Maunz et al. 2017, Art. 91c, Rn. 5–8). ИТ-инфраструктура внутри немецкой юстиции на данный момент отличается разнообразием и напоминает, как отмечают Д. Ёст и Й. Кемпе, «лоскутный ковер» (Jost, Kempe 2017, 2708). Вместе с тем к настоящему времени обозначилось стремление земель унифицировать серьезно отличающиеся друг от друга ИТ-инфраструктуры. Подтверждением тому служит разрабатываемое административное соглашение, участниками которого, как ожидается, станут все 16 земель⁸.

В-третьих, в Германии существуют суды шести видов юрисдикции. Помимо судов общей юрисдикции (*ordentliche Gerichtsbarkeit*), рассматривающих гражданские и уголовные дела, действуют административные, финансовые, социальные и трудовые суды. Также функционируют конституционные суды, занимающие особое положение, которое обусловлено возложенной на них задачей по обеспечению соблюдения конституции (Musielak, Voit 2014, S. 19, Rn. 27). При этом в каждом из видов судов производство осуществляется по собственным прави-

⁷ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland v. 23.05.1949 zul. geändert am 13.07.2017 // BGBl. 1949. I. Nr. 1. S. 1; BGBl. 2017. I. Nr. 47. S. 2347.

⁸ Подробнее о намерениях по унификации судебной ИТ-инфраструктуры см.: EDV-Länderbericht Niedersachsen (Stand: 01. September 2017). S.6–7. Accessed December 30, 2017. <https://justiz.de/BLK/laenderberichte/niedersachsen.pdf>.

лам, закрепленным в следующих законах: Гражданском процессуальном уложении⁹ (далее — ГПУ), Уголовно-процессуальном уложении¹⁰, Законах «Об административных судах»¹¹, «О финансовых судах»¹², «О социальных судах»¹³, «О трудовых судах»¹⁴, «О Федеральном конституционном суде»¹⁵ (производство в земельных конституционных судах регулируется законами земель).

В-четвертых, следует учитывать, что немецкие суды наряду с деятельностью по отправлению правосудия (*Rechtsprechung*) осуществляют функции, которые правосудием не являются (подробнее о содержании деятельности по отправлению правосудия и ее отграничению от иных функций судов см.: Maunz et al., Art. 92, Rn. 19–60). Так, на суды возложено ведение поземельной книги, являющейся государственным реестром вещных прав на земельные участки, торгового реестра, списка должников и целого ряда иных реестров. Не признается отправлением правосудия и издание юристом при суде, по статусу являющимся государственным служащим (*Rechtspfleger*)¹⁶, в рамках приказного производства (*Mahnverfahren*) приказа об исполнении (*Vollstreckungsbescheid*) (Maunz et al., Art. 92, Rn. 56). Разграничение, проводимое в конституционном праве между отправлением правосудия и реализацией иных полномочий судами, не препятствует, однако, широкому пониманию электронного правосудия. Последнее охватывает любые полномочия судов, которые осуществляются с использованием ИКТ¹⁷.

Рассмотренные выше особенности немецкой правовой системы выступают тем контекстом, в котором происходит становление немецкого электронного правосудия и знание которого необходимо для уяснения внутренней логики данного процесса. Так, в условиях, когда известны принципы построения немецкой судебной системы (федерализм и наличие судов шести видов юрисдикций), удастся лучше понять, почему обеспечение единого уровня развития электронного правосудия по всей Германии сталкивается с серьезными трудностями. В настоящее время степень

⁹ Zivilprozessordnung v. 30.1.1877 zul. geändert am 18.07.2017 // Reichsgesetzblatt (далее — RGBl). S. 83; BGBl. 2017. I. Nr. 52. S. 2745.

¹⁰ Strafprozessordnung v. 1.2.1877 zul. Geändert am 30.10.2017 // RGBl. S. 253; BGBl. 2017. I. Nr. 71. S. 3618.

¹¹ Verwaltungsgerichtsordnung v. 21.01.1960 zul. geändert am 8.10.2017 // BGBl. 1960. I. Nr. 4. S. 17; BGBl. 2017. I. Nr. 68. S. 3546.

¹² Finanzgerichtsordnung v. 6.10.1965 zul. geändert am 8.10.2017 // BGBl. 1965. I. Nr. 57. S. 1477; BGBl. 2017. I. Nr. 68. S. 3546.

¹³ Sozialgerichtsgesetz v. 3.9.1953 zul. geändert am 8.10.2017 // BGBl. 1953. I. Nr. 57. S. 1239; BGBl. 2017. I. Nr. 68. S. 3546.

¹⁴ Arbeitsgerichtsgesetz v. 3.9.1953 zul. geändert am 8.10.2017 // BGBl. 1953. I. Nr. 57. S. 1267; BGBl. 2017. I. Nr. 68. S. 3546.

¹⁵ Gesetz über das Bundesverfassungsgericht v. 12.3.1951 zul. geändert am 8.10.2017 // BGBl. 1951. I. Nr. 17. S. 243; BGBl. 2017. I. Nr. 68. S. 3546.

¹⁶ В Германии *Rechtspfleger* является самостоятельной профессией, получение которой предполагает трехлетнее обучение, завершающееся сдачей специального государственного экзамена (*Rechtspflegprüfung*). Правовой статус государственных служащих, являющихся *Rechtspfleger*, а также перечень их полномочий определяются специальным законом — *Rechtspflegergesetz*.

¹⁷ Необходимость пояснений относительно различного содержательного наполнения термина «правосудие» применительно к ст. 92 Основного закона и к явлению электронного правосудия в немецком языке отсутствует, поскольку электронное правосудие обозначается термином «*E-Justiz*», который дословно переводится как электронная юстиция. Вместе с тем в силу того, что в русском языке применительно к использованию ИКТ в судах устоялся термин «электронное правосудие», он и используется в настоящей статье.

внедрения ИКТ в судебную деятельность сильно разнится и зависит от земли, вида судебной юрисдикции, а также категории дела. Вместе с тем в перспективе существующие различия должны уступить место единому уровню электронного правосудия. Каким будет этот уровень? Для ответа на данный вопрос обратимся к следующим двум ключевым элементам электронного правосудия — электронной коммуникации с судами и электронным делам.

Электронная коммуникация с судами и электронные дела. С электронным правосудием ассоциируются прежде всего два понятия: «электронный правовой оборот» (*elektronischer Rechtsverkehr*) и «электронные дела» (*elektronische Akte*). Если содержание последнего кажется весьма очевидным (совокупность материалов, имеющих отношение к конкретному делу и представленных в электронной форме), то поиск ответа на вопрос о том, что представляет собой электронный правовой оборот, может вызвать определенные сложности. Связано это с тем, что исследователи вкладывают в это понятие разный смысл.

Большинство видит в электронном правовом обороте не что иное, как имеющую юридическую силу электронную коммуникацию суда с внешними субъектами — гражданами и юридическими лицами, представителями сторон (Berlit 2007, Abs. 1, 3; Jost, Kempe 2017, 2705; Klink 2010, 11; Sellner 2012, 1 ff; Schwoerer 2005, 21). При этом некоторые из них обращают отдельное внимание на то, что такая электронная коммуникация не сводится лишь к обмену документами, но охватывает и, например, запросы о предоставлении информации из реестров, ведение платформ, на которых судом публикуется информация по определенному виду судебной деятельности (см., напр., платформу, на которой размещается информация о банкротствах¹⁸) (Klink 2010, 11–12). Не ограничивает электронную коммуникацию обменом документами и У. Берлит, который относит к ней «электронный обмен информацией, имеющей отношение к процессу» (Berlit 2007, 3). Для других исследователей понятие электронного правового оборота выступает синонимом всего электронного правосудия и, следовательно, включает в себя электронную коммуникацию как одну из составляющих, наряду с электронными актами и электронным архивированием (Müller 2015, 65). В настоящей статье под электронным правовым оборотом понимается именно электронная коммуникация с судом, а не любое использование ИКТ в судебной деятельности.

Какие же нормативные предписания установлены применительно к электронной коммуникации с судом? Ответим на данный вопрос на примере требований гражданского процесса.

В электронной коммуникации с судами могут быть выделены две составляющие: первая предполагает подачу в суд сторонами, представителями сторон, третьими лицами документов в электронной форме; вторая — вручение судом процессуальных документов и доставку сообщений посредством электронных каналов связи. В силу того, что в Германии в большинстве случаев само лицо не может вести свой процесс в суде, а его интересы должен представлять адвокат¹⁹, ключевое значение приобретают нормативные положения, регулирующие электронную коммуни-

¹⁸ Insolvenzbekanntmachungen. Accessed December 30, 2017. <https://www.insolvenzbekanntmachungen.de>.

¹⁹ Согласно § 78 ГПУ процесс в земельных судах (*Landesgericht*) и в верховных земельных судах (*Oberlandesgericht*) должны вести адвокаты. В Федеральном верховном суде правом вести процесс

кацию между судом и адвокатами. Законодатель предусмотрел поэтапный переход на использование адвокатами электронных средств связи для общения с судами.

Сперва в § 130а ГПУ (в ред. Закона 2001 г.) была предусмотрена возможность подачи электронных документов в суд. При этом федеральное и земельные правительства получили право определить момент, к которому будет обеспечена соответствующая возможность, и распространить ее лишь на определенные категории дел или отдельные суды.

В 2013 г. был принят Закон о содействии электронному правовому обороту с судами (далее — Закон 2013 г.), который был призван ускорить развитие электронной коммуникации с участием суда. Изменения коснулись как гражданского процесса, так и процесса в административных, финансовых, социальных и трудовых судах. Исключением стал уголовный процесс, который остался неохваченным²⁰.

Изменения 2013 г. в части электронной коммуникации с судами заключались в следующем. Во-первых, согласно новой редакции § 130а ГПУ с 1 января 2018 г. федеральные и земельные суды должны быть готовы принимать подготовительные процессуальные документы и приложения к ним, ходатайства и объяснения сторон, а также сведения, получаемые от третьих лиц, их показания, заключения и объяснения в виде электронных документов. Несмотря на название указанного параграфа («Электронный документ»), ни в нем, ни в других положениях ГПУ определение понятия электронного документа не предлагается. Как отмечают Ш. Ори и Ш. Вет, электронный документ представляет собой модифицированную письменную форму и предполагает, что данные зафиксированы на таком носителе, информация с которого не может быть считана без технических вспомогательных средств (Ory, Weth 2016, 98). Во-вторых, ГПУ дополняется новым параграфом (§ 130d), который вступает в силу с 1 января 2022 г. и предусматривает обязанность адвокатов обращаться в суд исключительно посредством электронных каналов связи. До этого времени адвокаты вправе выбирать, будут ли они направлять в суд документы в электронной форме или в привычной письменной форме.

Важно, что земли были наделены правом сдвинуть названные сроки, отложив готовность судов принимать электронные документы на 1 января 2019 г. или 1 января 2020 г., а обязанность адвокатов использовать электронные каналы связи при коммуникации с судом, наоборот, перенесена на один или два года вперед (на 1 января 2020 г. или 1 января 2021 г. соответственно). По имеющейся информации, ни одна из земель не имеет пока конкретных планов по использованию указанного права (Kesper, Ory 2017, 2711).

Параграф 130а ГПУ устанавливает ряд требований к направляемым в суд электронным документам²¹. Так, они должны быть пригодны для обработки судом (абз. 2 § 130а ГПУ). Конкретные технические требования, которым должны удовлетворять электронные документы, определены Распоряжением от 24.11.2017 «Об общих технических условиях электронного правового оборота и об особенном

обладают только специально допущенные адвокаты. Из этого следует, что лишь в участковых судах (*Amtsgericht*) стороны могут сами представлять свои интересы.

²⁰ Изменения в Уголовно-процессуальное уложение, вводящие электронную коммуникацию с судами в уголовный процесс, получили закрепление в Законе 2017 г.

²¹ Отдельно от § 130а ГПУ, регулирующего электронные документы применительно к коммуникации с судами, стоят нормы ГПУ (см., напр., § 371а ГПУ) об электронных документах применительно к процессу доказывания. В настоящей статье они не анализируются.

электронном почтовом ящике органов власти»²² (далее — Распоряжение). Так, по общему правилу единственно допустимым форматом электронного документа, направляемого в суд, является *.pdf, и лишь в определенных случаях разрешается передача документа в формате *.tiff в дополнение (а не взамен) к его передаче в формате *.pdf (абз. 1 § 2 Распоряжения).

Другое требование, которому должен отвечать электронный документ, закреплено в абз. 3 § 130а ГПУ и предоставляет возможность выбора между двумя вариантами: электронный документ должен или быть заверен квалифицированной электронной подписью ответственного лица (первый вариант), или быть подписан ответственным лицом и направлен по безопасному каналу передачи (*sicherer Übermittlungsweg*) (второй вариант). Во втором случае для подписания достаточно указания имени составителя под текстом документа (Viefhues 2016, 87; Natter, Haßel 2017, 1022) или добавления отсканированной подписи (Natter, Haßel 2017, 1022). Каналы передачи электронных документов, которые могут считаться безопасными, перечислены в абз. 4 § 130а ГПУ. Содержащийся в нем перечень отличается технологической открытостью, поскольку наряду с конкретными действующими сейчас каналами передачи данных указывает на то, что безопасными могут быть и «иные общегосударственные каналы передачи, которые установлены распоряжением федерального правительства с согласия Бундесрата и которые гарантируют подлинность и целостность данных, а также являются доступными [для людей с ограниченными возможностями]» (№ 4 абз. 4 § 130а ГПУ).

С точки зрения практической значимости особую роль, как представляется, будет играть такой безопасный канал передачи, как специальный электронный почтовый ящик адвоката (*besonderer elektronischer Anwaltspostfach, beA*), созданный в соответствии с § 31а Федерального положения об адвокатуре, являющегося федеральным законом²³. Объясняется это тем, что такой почтовый ящик должен быть создан для каждого немецкого адвоката. Более того, с 1 января 2018 г. на адвокатов возлагается обязанность по так называемому пассивному использованию соответствующего электронного почтового ящика, т.е. они должны иметь в наличии необходимые для его использования технические средства и принимать к сведению доставленные через него сообщения и документы (абз. 6 § 31а Федерального положения об адвокатуре). Обязанность активного использования специального электронного почтового ящика адвоката, т.е. подачи с его использованием документов в суд, следует из § 130d ГПУ, который, как отмечалось выше, вступает в силу 1 января 2022 г., если земли не воспользуются предоставленным им правом перенести вступление в силу данной нормы на более раннюю дату. Ввиду того что такой ящик является безопасным каналом передачи, необходимость в использовании квалифицированной электронной подписи отпадает²⁴, а само по себе использование этого канала передачи заменяет письменную форму (Viefhues 2016, 87).

²² Verordnung über die technischen Rahmenbedingungen des elektronischen Rechtsverkehrs und über das besondere elektronische Behördenpostfach (Elektronischer-Rechtsverkehr-Verordnung — ERVV) v. 24.11.2017 // BGBl. 2017. I. Nr. 75. S. 3803.

²³ Bundesrechtsanwaltsordnung v. 1.8.1959 zul. geändert am 30.10.2017 // BGBl. 1959. I. Nr. 35. S. 565; BGBl. 2017. I. Nr. 71. S. 3618.

²⁴ По общему правилу, установленному абз. 1 § 126а Гражданского кодекса, электронный документ должен быть заверен квалифицированной электронной подписью, чтобы отвечать требовани-

Обзор норм, регулирующих создание и использование специального электронного почтового ящика адвоката, нуждается в дополнении информацией о том, какая ситуация складывается вокруг этого канала передачи в реальности. Во-первых, его запуск, намеченный изначально на 1 января 2016 г., переносился несколько раз и стал возможен лишь в ноябре 2016 г. (Jost, Kempe 2017, 2706). Во-вторых, введение обязанности использования такого ящика было воспринято критично определенной частью адвокатского сообщества, что выразилось, в частности, в направлении жалобы в Федеральный конституционный суд Германии. Предметом обжалования стали среди прочего § 130d ГПУ и § 31a Федерального положения об адвокатуре. Федеральный конституционный суд, однако, отказал в принятии жалобы к рассмотрению, признав ее недопустимой в силу несоответствия требованиям, предъявляемым к обоснованию²⁵. Вместе с тем открытым остался вопрос о том, могло ли это дело развиваться другим путем, если бы заявитель иначе обосновал поданную жалобу. В-третьих, в конце декабря 2017 г. обнаружили серьезные технические уязвимости в веб-приложении для специального электронного почтового ящика адвоката, после чего оно было переведено в офлайн до их устранения²⁶.

Альтернативным каналом передачи электронных документов в суды и органы власти является электронный почтовый ящик судов и администрации (*elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach, EGV*)²⁷, проект по созданию которого был реализован в 2004 г. (Bernhardt 2015, 2778). Он, однако, не является безопасным каналом передачи по смыслу абз. 4 § 130a ГПУ (Müller 2017, 2715). Широкого распространения, как отмечается в литературе, этот канал передачи информации не получил, в том числе потому, что не отличался удобством в использовании (Jost, Kempe 2017, 2706; Müller 2015, 133–134). Кроме того, для адвокатов, в силу возложенной на них обязанности по использованию специального электронного почтового ящика адвоката, электронный почтовый ящик судов и администрации неизбежно теряет актуальность. Тем не менее им, вероятно, продолжают пользоваться иные профессиональные участники юридического рынка.

Возможность ведения в немецких судах электронных дел впервые была установлена в 2005 г. Законом «Об использовании электронных форм коммуникации в сфере юстиции»²⁸ (далее — Закон 2005 г.). Таким образом, к существовавшим с 2001 г. нормам об электронной подаче иска и электронном вручении судебных документов добавились нормы о ведении электронных дел и принятии судебных

ям, предъявляемым к электронной форме, и рассматриваться в качестве равнозначного документу в письменной форме.

²⁵ См. Решение Федерального конституционного суда Германии от 20.12.2017 по делу 1BvR 2233/17: Bundesverfassungsgericht. 1 BvR 2233/17. Accessed December 30, 2017. http://www.bverfg.de/erkr20171220_1bvr223317.html.

²⁶ Об этом см., напр., заявление федеральной палаты адвокатов для прессы от 27.12.2017: Presseerklärung Nr. 15 v. 27.12.2017 beA muss vorerst offline bleiben — Sicherheit und Datenschutz haben Priorität. Accessed December 30, 2017. <http://www.brak.de/fuer-journalisten/pressemitteilungen-archiv/2017/presseerklaerung-15-2017>.

²⁷ *Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach* не является информационной системой публикации судебных актов, хотя такая функция ошибочно приписывается ему в ряде работ российских авторов (см., напр.: Авакян 2013, 49; Брановицкий 2009, 5).

²⁸ Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz — JkomG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.

решений в форме электронного документа. Соответственно, с принятием Закона 2005 г. теоретически стало возможным ведение всего судебного процесса, за исключением процесса по уголовным делам, в электронном виде²⁹ (Hähnchen 2005, 2257; Köbler 2006, 2089). Для того чтобы суд мог начать вести электронные дела, федеральное или земельное правительство, каждое в пределах своих полномочий, должны принять соответствующее распоряжение.

В свое время официально первым немецким судом, с которым была открыта электронная коммуникация, стал Федеральный верховный суд. С учетом данного обстоятельства была предпринята попытка, как отмечает В.Бернхардт, осуществить в этом федеральном суде и пилотный проект по введению электронных дел. Попытка, однако, не увенчалась успехом, и проект в итоге был остановлен (Bernhardt 2015, 2776). Сейчас возможность частичного или полного ведения электронных дел в Федеральном верховном суде предусмотрена лишь в отношении патентных споров³⁰.

В настоящее время лишь в нескольких судах в рамках пилотных проектов при отправлении правосудия ведутся электронные дела³¹: с марта 2015 г. — в Ландсхутском земельном суде (Бавария), с середины 2015 г. — в Боннском земельном суде (Северная Рейн-Вестфалия), с мая 2016 г. — в Штутгартском трудовом суде (Баден-Вюртемберг) и с июня 2016 г. — в Мангеймском земельном суде (Баден-Вюртемберг) (Natter, Haßel 2017, 1017–1018). ИТ-инфраструктура, которая для этого находится в распоряжении судов, отличается от земли к земле: в Баварии это электронный интеграционный портал (eIP), в Северной Рейн-Вестфалии — эргономичные электронные дела (e²A), в Баден-Вюртемберге — электронные дела как сервис (eAS). Данное разнообразие объясняется тем, что немецкие земли объединены в два союза (*forum-STAR-Verbund* и *e²-Verbund*), в рамках которых разрабатываются технологические решения для сферы юстиции³². Кроме того, Баден-Вюртемберг, входя в *forum-STAR*, применительно к электронным актам предложила собственную разработку (eAS) (Jost, Kempe 2017, 2706–2707). Разумеется, можно усомниться в оправданности такого разнообразия в длительной перспективе. Однако на этапе внедрения электронных дел в судебную деятельность именно наличие отличающихся друг от друга технологических решений позволяет сравнивать их с точки зрения преимуществ и недостатков и создает необходимую эмпирическую базу для их усовершенствования.

Принимая во внимание то, что с 1 января 2026 г., как отмечалось выше, все суды (за исключением конституционных, на которые Закон 2017 г. не распространяется)

²⁹ На конституционные суды данные правила не распространяются.

³⁰ См. Распоряжение о ведении электронных актов в Патентном ведомстве, Патентном суде и Федеральном верховном суде: *Verordnung über die elektronische Aktenführung bei dem Patentamt, dem Patentgericht und dem Bundesgerichtshof (EAPatV)* v. 10.02.2010 zul. geändert am 18.7.2017 // BGBl. 2010. I. Nr. 6. S. 83; BGBl. 2017. I. Nr. 52. S. 2745.

³¹ В данном случае не принимаются во внимание электронные дела, которые ведутся при осуществлении судом функций, отличных от отправления правосудия (например, ведение торгового регистра, поземельной книги).

³² Компьютерные программы для ведения электронных дел — лишь одно из многих (хотя и, безусловно, особенно важных) технологических решений для сферы юстиции. В числе таких решений можно назвать, например, платформу для электронного распределения почтовой корреспонденции (e²P), электронного распределения залов судебных заседаний (e2S) (подробнее см.: Jost, Kempe 2017, 2707–2708).

будут обязаны вести электронные дела³³, выработка оптимальных технологических решений является насущным вопросом. От успешного решения данной организационной задачи будет во многом зависеть то, в каком объеме удастся реализовать преимущества, ожидаемые в связи с переходом от бумажных дел к электронным.

О каких же преимуществах идет речь? В первую очередь об ускорении и упрощении рабочих процессов. Так, пересылка судебных документов становится возможной нажатием одной кнопки; дела предстают в структурированном виде, заменяющем стопки бумажных материалов, что облегчает работу с ними; появляется возможность осуществлять поиск в тексте документов по ключевым словам. Другой позитивный аспект связан с повышением доступности электронных дел, которая выражается в наличии технической возможности предоставить право работать с ними одновременно нескольким уполномоченным субъектам (судье, сторонам, их представителям и др.), а также обеспечить мобильность дел (судья может удобно работать с ними как во время выездных заседаний, так и из дома) (о преимуществах электронных дел см.: Müller 2015, 209–211; Natter, Haßel 2017, 1018; Schwoerer 2005, 27–29).

Вместе с тем переход к электронным делам сопряжен с целым рядом проблем, связанных, в частности, с сохранением независимости судей и предотвращением вмешательства посторонних лиц в судебную деятельность, обеспечением информационной безопасности и защиты персональных данных, увеличением технологической зависимости судебной власти, готовностью судей и работников суда к кардинальному изменению привычных рабочих процессов (о рисках и трудностях перехода на ведение актов в электронном виде см.: Berlitz 2015, 17–26; Britz 2007, 997–998; Natter, Haßel 2017, 1018).

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, не нарушает ли введение электронных дел принцип независимости судей, гарантированный абз. 1 ст. 97 Основного закона (см., напр.: Berlitz 2015, 17–20; Müller 2015, 207–209; Notz 2017). Данный вопрос становился предметом рассмотрения в Федеральном верховном суде. Специальному сенату последнего — Дисциплинарному суду Федерации — предстояло выяснить применительно к делам, связанным с торговым реестром, имеет ли право судья требовать от канцелярии распечатки поданных в электронной форме заявлений. Необходимо учитывать, что торговый реестр в силу абз. 1 § 8 Торгового кодекса³⁴ с 1 января 2007 г. ведется в электронном виде; заявления и необходимые приложения к ним подаются также в электронном виде. Отменив решения первых двух инстанций, Федеральный верховный суд пришел к выводу, что отказ в предоставлении распечаток электронных заявлений не является нарушением независимости судьи³⁵. При этом он не согласился с позицией суда апелляционной инстанции, посчитавшего недопустимым возлагать на судью обязанность использовать во всех без исключения случаях предоставленные в его

³³ Исключение могут составить акты, которые были изначально заведены в бумажной форме. Федеральное или земельное правительства своим распоряжением могут определить, что такие акты будут и дальше вестись в бумажной форме (абз. 1а § 298а ГПУ в ред. Закона 2017 г.).

³⁴ Handelsgesetzbuch v. 10.05.1897 zul. geändert am 18.7.2017 // RGBl. I S. 219; BGBl. 2017. I. Nr. 52. S. 2745.

³⁵ Urteil des Dienstgerichts des Bundes (BGH) v. 21.10.2010 RiZ(R) 5/09. Accessed December 30, 2017. [http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&az=RiZ%20\(R\)%205/09&nr=54374](http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&az=RiZ%20(R)%205/09&nr=54374).

распоряжение технические средства обработки информации. Данное кассационное постановление Федерального верховного суда многими было воспринято положительно (см., напр.: Brosch 2011, Abs. 8; Müller 2015, 209–211), и с этим следует согласиться, поскольку оно предотвратило развитие практики, которая позволяла бы обходить судьям законодательно установленную обязанность по ведению электронных дел и в конечном счете могла бы стать препятствием на пути развития электронного правосудия.

К числу других дискуссионных аспектов, связанных с обеспечением независимости судьи при работе с электронными делами, можно отнести следующие: кого следует наделить правом осуществлять эксплуатацию информационных систем суда? На чьих серверах должны храниться данные и где эти серверы должны находиться? Какие организационные и технические меры необходимо принять, чтобы исключить несанкционированный доступ к электронным делам (подробнее об обеспечении независимости судьи при работе с электронными делами см.: Berlit 2015, 17–20)? Поиск ответов на эти вопросы еще только начинается и, вероятно, не единожды станет поводом для дискуссии.

3. Выводы. Подводя итог проведенному выше анализу двух элементов электронного правосудия — электронной коммуникации и электронных дел, — можно утверждать, что первый из них охватывает внешние отношения, возникающие между судами и лицами, обращающимися в них, а ко второму относятся внутренние процессы, протекающие в судах. Каждый из этих двух элементов может существовать и в отдельности от другого, так как для этого отсутствуют какие-либо организационные препятствия. Вместе с тем именно в комбинации электронная коммуникация и электронные дела в большей степени способствуют достижению целей, которые преследует внедрение ИКТ в судебную деятельность. Такая позиция закреплена и на законодательном уровне. К 1 января 2026 г. возможность коммуникации со всеми немецкими судами по электронным каналам связи дополнит-ся ведением дел в электронном виде.

Как показывает опыт формирования электронного правосудия в Германии, от принятия политического решения о реформировании того или иного аспекта судебной деятельности до его практической реализации может пройти немало времени. Поэтому данное развитие вряд ли можно назвать стремительным. Вместе с тем запас времени, который отводится немецким законодателем на внедрение новых процессов с использованием ИКТ в деятельность судов, способствует обдуманному и взвешенному поиску подходящих технологических решений, а также дает возможность всем действующим лицам подготовиться к новым правилам.

Развитие электронного правосудия не должно становиться дополнительным барьером к реализации права на судебную защиту, закрепленного в абз. 4 ст. 19 Основного закона. Поэтому при внесении изменений, затрагивающих порядок обращения в суд, рассмотрения дела, принятия решения, его вручения и исполнения, необходимо проверять, не нарушают ли новые правила указанное конституционное право. С этой точки зрения, как представляется, немецкое законодательство предлагает сбалансированное решение: на профессиональных участников процесса (адвокатов, органы власти, нотариусов) возлагается обязанность использовать электронные способы коммуникации с судом; граждане же вправе выбирать, обращаться ли в суд по электронным каналам связи или же в привычной письменной форме.

При внедрении ИКТ в судебную деятельность нельзя забывать и о том, что функция по отправлению правосудия отличается первостепенной важностью, а при ее реализации обрабатывается большой объем персональных данных, многие из которых являются «чувствительными». Соответственно, особое значение приобретает обеспечение независимости судей и исключение вмешательства посторонних субъектов в отправление правосудия, а также обеспечение безопасности данных и их защиты. Всем этим проблемным аспектам как в немецкой доктрине, так и на практике уделяется серьезное внимание. Только такой подход к внедрению ИКТ в судебную деятельность является залогом того, что электронное правосудие не станет дополнительным источником опасностей и угроз, а сможет достичь тех успехов, которых от него ожидают.

Библиография

- Авакян, Елена Г. 2013. «Обеспечение аутентичности электронного документа его оригиналу на бумажном носителе в деятельности арбитражных судов Российской Федерации». Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сб. мат-лов межд. науч.-практ. конф. СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина».
- Брановицкий, Константин Л. 2009. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия.
- Berlit, Uwe. 2015. «eJustice, eAkte und Richterschaft». *Betrifft JUSTIZ* (121): 15–26. Accessed January 15, 2018. http://betrifftjustiz.de/wp-content/uploads/texte/BJ%20121_Berlit.pdf.
- Berlit, Uwe. 2007. «E-Justice — Chancen und Herausforderungen in der freiheitlichen demokratischen Gesellschaft». *JurPC* (Web-Dok. 171). Accessed January 15, 2018. <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20070171>.
- Bernhardt, Wilfried. 2015. «Die deutsche Justiz im digitalen Zeitalter — Entwicklung und Entwicklungsperspektiven von E-Justice». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2775–2780.
- Britz, Gabriele. 2007. «Von der elektronischen Verwaltung zur elektronischen Verwaltungsjustiz? Realisierungsbedingungen und Realisierungsrisiken im Vergleich». *Deutsches Verwaltungsblatt (DVBl)* (16): 993–1000.
- Brosch, Christopher. 2011. «Urteilsanmerkung zu: Bundesgerichtshof, Urteil vom 21. Oktober 2010, RiZ(R) 5/09». *JurPC* (Web-Dok. 1). Accessed January 15, 2018. <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20110001&q=brosch>.
- Epping, Volker, Christian Hillgruber (Hrsg.). 2017. *BeckOK Grundgesetz*. München: C. H. Beck.
- Hähnchen, Susanne. 2005. «Elektronische Akten bei Gericht — Chancen und Hindernisse». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (32): 2257–2259.
- Jost, David and Johann Kempe. 2017. «E-Justice in Deutschland — Eine Bestandsaufnahme zur Digitalisierung der Justiz». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2705–2708.
- Kesper, Dieter and Stephan Ory. 2017. «Der zeitliche Fahrplan zur Digitalisierung von Anwaltschaft und Justiz». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2709–2712.
- Klink, Judith. 2010. *Datenschutz in der elektronischen Justiz*. Kassel: Kassel Univ. Press.
- Köbler, Ralf. 2006. «eJustice: Vom langen Weg in die digitale Zukunft der Justiz». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (29): 2089–2091.
- Maunz, Theodor and Günter Dürig (Hrsg.). 2017. *Grundgesetz: Kommentar*. Bd. VI. München: C. H. Beck.
- Müller, Henning. 2017. «Neue Rechtsbegriffe im Zustellungsrecht: Sichere Übermittlungswege und das elektronische Empfangsbekanntnis». *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2713–2717.
- Müller, Matthias. 2015. *Die Digitalisierung der Justiz in Deutschland: Entwicklung und rechtliche Würdigung des EJustizG am Beispiel des Zivilprozesses*. Hamburg: Kovač.
- Musielak, Hans-Joachim and Wolfgang Voit. 2014. *Grundkurs Zivilprozessordnung (ZPO)*, 12th ed. München: Beck.
- Natter, Eberhard and Lutz Haßel. 2017. «Der elektronische Rechtsverkehr und die elektronische Akte in der Arbeitsgerichtsbarkeit». *Neue Zeitschrift für Arbeitsrecht (NZA)* (16): 1017–1026.

- Notz von, Anna. 2017. "Die vernetzte Justiz: Zur Zulässigkeit einer IT-Zentralisierung unter Einbeziehung der Dritten Gewalt". *Juristen Zeitung* 72 (12): 607–613.
- Ory, Stephan and Stephan Weth. 2016. "Schriftstücke und elektronische Dokumente im Zivilprozess — Von der Papierform zur elektronischer Form". *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)-Beil.* (4): 96–100.
- Petri, Thomas and Dorfner Claudia. 2011. "E-Justiz und Datenschutz — Ausgewählte Rechtsfragen". *Zeitschrift für Datenschutz (ZD)* (3): 122–128.
- Schwoerer, Max. 2005. *Die elektronische Justiz: Ein Beitrag zum elektronischen Rechtsverkehr und zur elektronischen Akte unter Berücksichtigung des Justizkommunikationsgesetzes*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Sellner, Michael. 2012. *Die Justiz im elektronischen Zeitalter: Elektronischer Rechtsverkehr und elektronische Akte in der Justiz*. Marburg: Tectum Verlag.
- Viefhues, Wolfram. 2016. "Rechtliche Grundlagen des beA und des elektronischen Rechtsverkehrs". *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)-Beil.* (4): 86–90.

Статья поступила в редакцию 26 января 2018 г.,
рекомендована в печать 30 мая 2018 г.

Контактная информация:

Проскурякова Мария Ивановна — канд. юрид. наук, независимый исследователь;
pro-mariy@yandex.ru

E-Justice in Germany: Current status and development prospects

M. I. Proskuryakova

Berlin School of Economics and Law, 60, Alt-Friedrichsfelde, Berlin, 10315, Germany

For citation: Proskuryakova, Maria I. 2018. "E-Justice in Germany: Current status and development prospects". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 433–447. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.312>

The development of German E-Justice is significantly influenced by a number of special features of the national legal system. These are, in particular, membership in the European Union, federalism and six different types of courts. The mentioned special features are discussed in detail. E-Justice itself is broadly understood in the German legal doctrine and covers different uses of information and communication technologies in judicial activities. Its elements include, in particular, maintaining electronic registers by courts, the use of videoconferences, the online publication of judicial decisions and others. Electronic legal transactions (*elektronischer Rechtsverkehr*) and electronic case files (*elektronische Akte*) constitute two central elements of E-Justice which take centre stage in the article. Based on the analysis of doctrinal sources and legislation it is concluded that electronic legal transactions are nothing more than electronic communication with courts. By the example of the legislative norms regulating electronic legal communication and electronic case files phased development of E-Justice in Germany is disclosed. Firstly (from the 1st of January 2018) the German courts should be able to receive documents submitted electronically. Then (from the 1st of January 2026) the courts have to maintain electronic case files instead of paper case files. So, the complete transfer of the judicial process into an electronic environment is the final goal of introducing new technologies into legal proceedings. Special attention is paid to a circumstance that implementing of information and communication technologies in judicial activities promises both serious advantages and puts before scientists and practitioners a number of issues of concern that need to be addressed.

Keywords: e-justice, information technology, German legislation, electronic case files, electronic legal communication.

References

- Avakjan, Elena G. 2013. "Obespechenie autentichnosti elektronnogo dokumenta ego originalu na buma-zhnom nositele v deiatel'nosti arbitrazhnykh sudov Rossiiskoi Federatsii" ["Ensuring the authenticity

- of an electronic document to its paper original in the activities of commercial courts of the Russian Federation”]. *Poluchenie, khranenie i ispol'zovanie informatsii v elektronnoi srede: publichno-pravovoe i chastnopravovoe regulirovanie*. Sb. mat-lov mezhd. nauch.-prakt. konf. [Receiving, storage and use of information in the electronic environment: public and private legal regulation. Collection of works of international scientific and practical conference]. St. Petersburg: President Library named after B. N. Yeltsin. (In Russian)
- Branovickij, Konstantin L. 2009. *Informatsionnye tekhnologii v grazhdanskom protsesse Germanii (sravnitel'no-pravovoi analiz)*. Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Information technology in the German civil process. PhD Thesis]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy. (In Russian)
- Berlit, Uwe. 2015. “eJustice, eAkte und Richterschaft”. *Betrifft JUSTIZ* (121): 15–26. Accessed January 15, 2018. http://betrifftjustiz.de/wp-content/uploads/texte/BJ%20121_Berlit.pdf.
- Berlit, Uwe. 2007. “E-Justice — Chancen und Herausforderungen in der freiheitlichen demokratischen Gesellschaft”. *JurPC* (Web-Dok. 171). Accessed January 15, 2018. <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20070171>.
- Bernhardt, Wilfried. 2015. “Die deutsche Justiz im digitalen Zeitalter — Entwicklung und Entwicklungsperspektiven von E-Justice”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2775–2780.
- Britz, Gabriele. 2007. “Von der elektronischen Verwaltung zur elektronischen Verwaltungsjustiz? Realisierungsbedingungen und Realisierungsrisiken im Vergleich”. *Deutsches Verwaltungsblatt (DVBl)* (16): 993–1000.
- Brosch, Christopher. 2011. “Urteilsanmerkung zu: Bundesgerichtshof, Urteil vom 21. Oktober 2010, RiZ(R) 5/09”. *JurPC* (Web-Dok. 1). Accessed January 15, 2018. <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20110001&q=brosch>.
- Epping, Volker, Christian Hillgruber (Hrsg.). 2017. *BeckOK Grundgesetz*. München: C. H. Beck.
- Hähnchen, Susanne. 2005. “Elektronische Akten bei Gericht — Chancen und Hindernisse”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (32): 2257–2259.
- Jost, David and Johann Kempe. 2017. “E-Justice in Deutschland — Eine Bestandsaufnahme zur Digitalisierung der Justiz”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2705–2708.
- Kesper, Dieter and Stephan Ory. 2017. “Der zeitliche Fahrplan zur Digitalisierung von Anwaltschaft und Justiz”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2709–2712.
- Klink, Judith. 2010. *Datenschutz in der elektronischen Justiz*. Kassel: Kassel Univ. Press.
- Köbler, Ralf. 2006. “eJustice: Vom langen Weg in die digitale Zukunft der Justiz”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (29): 2089–2091.
- Maunz, Theodor and Günter Dürig (Hrsg.). 2017. *Grundgesetz: Kommentar*. Bd. VI. München: C. H. Beck.
- Müller, Henning. 2017. “Neue Rechtsbegriffe im Zustellungsrecht: Sichere Übermittlungswege und das elektronische Empfangsbekanntnis”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)* (38): 2713–2717.
- Müller, Matthias. 2015. *Die Digitalisierung der Justiz in Deutschland: Entwicklung und rechtliche Würdigung des EJustizG am Beispiel des Zivilprozesses*. Hamburg: Kovač.
- Musielak, Hans-Joachim and Wolfgang Voit. 2014. *Grundkurs Zivilprozessordnung (ZPO)*, 12th ed. München: Beck.
- Natter, Eberhard and Lutz Haßel. 2017. “Der elektronische Rechtsverkehr und die elektronische Akte in der Arbeitsgerichtsbarkeit”. *Neue Zeitschrift für Arbeitsrecht (NZA)* (16): 1017–1026.
- Notz von, Anna. 2017. “Die vernetzte Justiz: Zur Zulässigkeit einer IT-Zentralisierung unter Einbeziehung der Dritten Gewalt”. *Juristen Zeitung* 72 (12): 607–613.
- Ory, Stephan and Stephan Weth. 2016. “Schriftstücke und elektronische Dokumente im Zivilprozess — Von der Papierform zur elektronischer Form”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)-Beil.* (4): 96–100.
- Petri, Thomas and Dorfner Claudia. 2011. “E-Justiz und Datenschutz — Ausgewählte Rechtsfragen”. *Zeitschrift für Datenschutz (ZD)* (3): 122–128.
- Schwoerer, Max. 2005. *Die elektronische Justiz: Ein Beitrag zum elektronischen Rechtsverkehr und zur elektronischen Akte unter Berücksichtigung des Justizkommunikationsgesetzes*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Sellner, Michael. 2012. *Die Justiz im elektronischen Zeitalter: Elektronischer Rechtsverkehr und elektronische Akte in der Justiz*. Marburg: Tectum Verlag.
- Viefhues, Wolfram. 2016. “Rechtliche Grundlagen des beA und des elektronischen Rechtsverkehrs”. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)-Beil.* (4): 86–90.

Author's information:

Maria I. Proskuryakova — PhD, independent researcher; pro-mariy@yandex.ru